

БА(0)3

Я-78

Труды
научного студенческого
общества

Выпуск

• I •

В.ЯРХО

О ХАРАКТЕРЕ
ДРЕВНЕАТТИЧЕСКОЙ
КОМЕДИИ

1948

Издательство
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ТРУДЫ НАУЧНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

8А
91-78

В. ЯРХО

О ХАРАКТЕРЕ
ДРЕВНЕАТТИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

(К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ РЕАКЦИОННЫХ
ТЕОРИЯХ НЕМЕЦКОЙ БУРЖУАЗНОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ)

5 - НОЯ 2011

5 - ДЕК 2011

01 АВГ 2005

03 ОКТ 2005

БИБЛИОТ. КА 6689
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ НАУЧНОЙ ПОДГОТОВКИ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
1948

Филологический факультет
Кафедра классической филологии
Научный руководитель
доктор филологических наук
профессор *С. И. Радциг*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о характере древнеаттической комедии, сводящийся, в конечном счете, к вопросу о социально-политических взглядах ее крупнейшего представителя Аристофана, не является новым в научной литературе по классической филологии. В западно-европейской науке существует достаточное количество специальных больших трудов и журнальных статей, посвященных его решению.

Однако буржуазные ученые старались не столько выяснить социально-политические взгляды Аристофана, сколько доказать несостоятельность самой постановки подобного вопроса в отношении комического писателя вообще. В тех же случаях, когда все-таки признавалось известное идейное содержание комедий Аристофана, тем не менее отрицалась какая бы то ни была партийная, классовая направленность его творчества, обусловленность идеологии художника конкретно-историческими социальными отношениями его времени, отрицалась, в конечном счете, зависимость общественного сознания от общественного бытия данной эпохи.

Всевозможные реакционные теории, проповедовавшие принципиальную непознаваемость и необъяснимость историко-литературного процесса, получили особенно широкое распространение в немецкой классической филологии, начиная с 1871 года и вплоть до окончания второй мировой войны. Между тем, в советском литерату-

роведении до сих пор нет работ, специально посвященных критике реакционных идей и концепций немецкой классической филологии. Более того, еще далеко не преодолено не критическое, либеральное, а подчас и раболепное отношение к трудам и общетеоретическим взглядам «столпов» немецкого античного литературоведения—Бергка, Криста, Виламовица-Меллендорфа и других. Разоблачение чуждых и враждебных нам идеологических позиций реакционной буржуазной науки, беспощадная борьба с элементами низкопоклонства перед западом составляет актуальнейшую политическую задачу наших дней.

Одной из целей данной работы и является показать в определенной конкретной области—именно, в оценке общественного значения и идеологической направленности комедий Аристофана—реакционную идеалистическую сущность немецкой классической филологии, антинаучность ее методологии, наконец, совершенно сознательную защиту устоев капитализма, предпринимаемую ею во исполнение социального заказа империалистической буржуазии.

Эволюция взглядов на творчество Аристофана, наблюдаемая в немецком античном литературоведении на протяжении последних 80 лет, отражает общие тенденции развития буржуазной классической филологии. Не только в отношении комедии, но и в отношении любого жанра греческой литературы буржуазные филологи шли одними и теми же путями. Достаточно указать, например, из многочисленной литературы о Софокле на гегельянского толка монографию Вайнштока, мистическую книгу Рейнгардта (обе они вышли в 30-х годах XX века) и формалистическую от первого до последнего слова работу Тихо Виламовица, сына и ученика Ульриха Виламовица-Меллендорфа.

После разгрома фашистской Германии реакционные теоретические построения «зубров» немецкой классической филологии нашли свою вторую родину в Англии и

США, куда теперь переместился центр борьбы против марксистской материалистической философии. В англо-американской социологии уже заняла господствующее место модернизаторская «теория» цикличности Эдуарда Мейера, несовместимая с идеей прогресса и защищающая насковзь прогнившие устои капитализма¹.

В оценке художественного наследия Аристофана англо-американская классическая филология еще не дошла до откровенно-реакционных, мистических выводов Шмида и Зюса, непосредственно смыкающихся с эстетикой фашиствующих экспрессионистов, Воррингера и Эрнста. Но в уже существующей литературе по Аристофану, появившейся в Англии и Америке за последнее десятилетие, есть все предпосылки для повторения бесславного пути немецкой буржуазной классической филологии. Мы найдем в англо-американском античном литературоведении и книгу прямого наследника объективистского идеализма, поборника классового «единства» Эренберга и статьи яркого защитника «чистого искусства» Гомма, поразительно напоминающего своего немецкого предтечу Зюса*.

Единственно научная оценка творчества Аристофана, основывающаяся на марксистско-ленинской методологии, принадлежит советским ученым и получила выражение в ряде трудов по классической филологии, вышедших в Советском Союзе за последние годы. Это — главы о древнеаттической комедии в первом томе «Истории греческой литературы» Академии наук, принадлежащие перу академика И. И. Толстого, а также в силу необходимости более сжатые, но стоящие на тех же принципиальных позициях, главы об Аристофане в трудах проф. С. И. Радцига («История древнегреческой литературы» 1941) и проф. И. М. Тронского («История античной литературы» 1946). Следует, однако, отметить, что отдельные проблемы аристофановедения еще не по-

*) Обзору последних работ англо-американских ученых автор предполагает посвятить отдельную статью.

лучили достаточно четкой разработки в трудах советских ученых. К числу этих проблем относится вопрос об отношении Аристофана к Сократу, решению которого посвящена недавно опубликованная статья проф. С. И. Соболевского.² Обширный фактический материал, привлеченный автором, не подвергнут им в этой статье последовательному марксистскому анализу.

В работах советских ученых твердо установился взгляд на Аристофана, как на идеолога трудового аттического крестьянства, и получила обоснование мысль о ярко выраженной общественной направленности его творчества. Аргументации этого взгляда и посвящается вторая часть предлагаемой работы.

Свидетельства о происхождении древнеаттической комедии ясно говорят о ее классовой направленности и подтверждают мысль о том, что комедия еще за столетие до Аристофана была острым сатирическим орудием в руках аттического крестьянства. В то же время социальная история Афин VII—VI веков до н. э. дает основание считать аттическое крестьянство одной из решающих движущих сил революции, направленной против пережитков родового строя и господства реакционной землевладельческой аристократии. В течение долгого времени аттическое крестьянство выступает как союзник радикальной афинской демократии, и только Пелопоннесская война, явившаяся результатом развития противоречий, заложенных в системе демократического рабовладельческого полиса, вызывает резкие социальные перемены в аттическом крестьянстве и обостряет его отношения с радикальной демократией.

Выступая в этих условиях как идеолог трудового крестьянства, Аристофан подвергает критике извращения демократии, не отказываясь от положительной оценки ее завоеваний. Его критика носит, однако, противоречивый характер, отражая противоречие в социальном положении мелкого аттического земледельца: труженника, поскольку он собственным трудом добывает себе

средства к существованию, и в то же время рабовладельца по своей классовой сущности, пользующегося всеми выгодами, которые Афины извлекали из эксплуатации рабского труда и подчиненных им союзных островов.

По техническим причинам, не зависящим от автора, печатание данной работы приходится разделить на два выпуска, причем содержание второго выпуска целиком составляет вся часть, посвященная выяснению классовой сущности творчества Аристофана. Это обстоятельство и заставляет автора предварять в предисловии доказательства своей точки зрения общими выводами.

Глава I

ОБ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЪЕКТИВИЗМЕ И РЕАКЦИОННОМ ЗАМАЗЫВАНИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

«Теория» идеалистического происхождения искусства, проповедовавшая его «внеклассовость», изолированность от общественных отношений, была с наибольшей отчетливостью сформулирована еще Кантом в его «Критике способности суждения». В течение XIX и XX веков она послужила основой для всех идеалистических и реакционных течений в буржуазном литературоведении.

Известно, что уже в философских системах Канта и Гегеля идея подчинения личности велениям абсолютного духа, идея примирения и слияния противоречий отвечала социальным потребностям аристократической реакции в интересах борьбы с революционным движением.

Предательская роль немецкой буржуазии в революции 1848 г., все возрастающий страх перед революционной активностью пролетариата после подавления Парижской коммуны 1871 года породили такие реакционные явления в области общественной мысли, как философия Гартмана и Ницше, шовинистическая историография Ранке и Трейчке³, эстетика Гамана и Гундольфа.

Общественные науки получили от буржуазии ясно выраженный социальный заказ—вытравить из сознания рабочего класса идею классовой борьбы, идею революционного свержения капитализма. В кайзеровской Гер-

мании особую силу приобрела проповедь «единства» германской нации, подчинения интересов всех классов интересам «прусского духа».

В этих условиях и разворачивается в Германии в последнюю четверть XIX и в начале XX века деятельность почти всех крупных историков древнего мира и античной литературы.

Наиболее откровенную характеристику усилиям немецких ученых доказать вечность и неизменность капиталистических отношений и бесплодность классовой борьбы пролетариата дал Пельман, когда в своей антинаучной, фальсифицированной «Истории античного коммунизма и социализма» он писал:

«До решительной битвы между пролетариатом и буржуазией, до победы, которая доставила бы действительный мир, дело нигде не доходило и никогда не могло дойти. Даже там, где крах существующего общества оказывался полным, и радикальное уравнение, повидимому, удавалось в данный момент, эта надежда вскоре оказывалась иллюзией, обманчивым призраком революционной идеологии, неизбежно исчезающим при столкновении с прочностью исторически сложившегося общества.

И как дорого обошлось всей нации это сознание того, что не может существовать радикального решения социального вопроса в смысле экономической и социальной справедливости, равенства и братства»⁴.

Перед немецкой классической филологией последней четверти XIX века также встала задача—доказать независимость древнегреческого искусства и литературы от социальных отношений своего времени, обосновать «незаинтересованность» художника в классовой борьбе.

Это можно было проделать сравнительно легко с эпической поэзией и трагедией, которые черпали свою тематику в мифах и обрабатывали такие, казалось бы, совершенно отвлеченные темы, как всевластие рока, мо-

медия восходит непосредственно к творчеству Эпихарма, хотя, как известно, в комедиях Эпихарма не было ни хора, ни обличительного политического элемента. Поэтому

и Зюс совершенно отрицает значение той *ιαρβικῆ ἰδέα*, того сатирического момента, который выражал в парабазе аттической комедии хор. «Само собою разумеется,—пишет он,—что с технико-драматической точки зрения наличие или отсутствие политической сатиры лишено совершенно всякого значения. Она представляет только составную часть, которая в высшей степени поразительным образом оживила уже существующую форму» (стр. 189). Обличительная *ιαρβικῆ ἰδέα*, по мнению Зюса, отпала вместе с хором и, таким образом, не сыграла сколько-нибудь значительной роли в развитии комедии как литературной формы. Политический характер комедии—нечто привходящее, временное, а форма—вечное и неизменное. Заслуга Аристофана для последующих поколений в том-де и состоит, что он берег, обогатил, разукрасил эту форму, переданную ему сицилийской комедией Эпихарма, и, в свою очередь, формальные достижения древнеаттической комедии послужили фундаментом для средней и новой аттической комедии, а следовательно, Теренция, Мольера и т. д. (стр. 189).

Опровергая поочередно различные взгляды на Аристофана, пытающиеся определить его политическое положение, Зюс с удовлетворением замечает: «Кажется, мнение о политической, партийной принадлежности Аристофана отмирает в новейшее время медленно, но верно» (стр. 144). Суровое осуждение Зюса заслуживает даже полулиберальная позиция Круазе, который вообще отрицает за поэтом определенную партийную принадлежность, но все-таки пытается доказать «нечто вроде политического отношения и попытки бороться с несимпатичными ему властями и течениями» (там же).

«В остальном научное исследование комедии поверну-

лось к другим вопросам»,—констатирует Зюс (там же). Эти другие вопросы—формальный анализ, отрывающий художественную форму от ее содержания, исключаящий из круга исследования общественное, идейное содержание комедии, как формы общественного сознания и при том какой-то определенной социальной, классовой группы. Как мы видели, по этому пути идет и Виламовиц в комментариях к «Лисистрате». Не будучи в состоянии совершенно игнорировать политическую направленность комедий Аристофана, Зюс и Виламовиц пытаются представить это главное, отличительное качество его творчества, как нечто совершенно специфичное, индивидуальное, случайно примыкающее к форме комического. Но вместо того, чтобы изучать именно эту конкретную историческую специфику аристофановского творчества и в ней находить черты, характерные для всякого художественного произведения, а тем более для комедии,—то есть соответствие общественным запросам и потребностям общественной мысли, отражение—пусть и ярко тенденциозное—действительных исторических отношений, Зюс и Виламовиц устраняют из поля зрения мир объективных реальностей, нашедших субъективное отражение в комедии, и уводят читателя в царство вечных, неизменных, самодовлеющих форм.

Итак, разделавшись с «политико-социальной тенденцией, которую так долго считали характерным, хотя и не единственным признаком жанра» и которая является «теперь перед нами как случайная составная часть» его, Зюс довольно просто расправляется и с другим «предрассудком». Как выясняется, широко распространенное мнение, считающее Аристофана «защитником старого времени, старых Афин, рождающих героев»,—несостоятельно, потому, что «сам юмор, а не Аристофан содержит в себе с самого начала нечто консервативное» (стр. 196). Для Аристофана старое время—не больше чем случайный фон для комического созерцания действительности. По мнению

Зюса, поэт оставляет нас в полном недоумении относительно своего положительного жизненного идеала, да и нет необходимости в его выяснении, поскольку комедия связана не с какими-то конкретными историческими условиями, а осуществляет вечный протест против извращений и отклонений от здравого смысла.

Несмотря на энергичные выпады Зюса против гегельянцев, сам он в этом пункте целиком повторяет и поддерживает гегельянский тезис о комическом как одной из ступеней самоотрицания, через которую проходит в своем развитии абсолютный дух. Рассматривая под этим углом зрения образы Сократа и Еврипида у Аристофана, Зюс видит в них всего навсего персонифицированные портреты обычного в народном юморе образа чудака, дурака, шута, символизирующего стремление к новшествам, необычному, отклоняющемуся от нормы. Вместо конкретного анализа Зюс опять подсовывает формально-техническую схему, в которую он очень легко и просто укладывает все противоречия аристофановского творчества.

Мы уже видели, для чего нужен Зюсу путь формалистической оценки комедии Аристофана. Стоит только сопоставить идейную основу формализма Зюса с «теоретическими» конструкциями фашиствующих экспрессионистов и их идейного предтечи Воррингера, чтобы сразу стала ясна связь Зюса с национал-социалистской «эстетикой» Розенберга.

Так, Воррингер провозглашает возврат человеческого сознания к первобытному инстинктивному чувству непознаваемой «вещи в себе». Он отрицает могучее значение разума для познания причинных связей в природе и обществе. «Сброшенный с горделивых высот знания, человек стоит перед картиной мира таким же затерянным, таким же беспомощным, как и первобытный человек»²⁹, — заявляет Воррингер, клеветнически принижая значение человеческого сознания для революционного переустройства общества.

Другой «теоретик» реакционного мистицизма империалистической эпохи, Пауль Эрнст, выдвигает требование асоциальности и даже антисоциальности искусства. «Необходимо себе уяснить,—пишет Эрнст,—что само по себе большое произведение искусства обязательно идет против инстинктов масс... Я думаю, что оно (искусство) возникло из страха перед действительностью... Человек создал искусство для того, чтобы из беспокойной, бессмысленной, опасной и темной действительности перейти в какой-то мир спокойного, ясного и осмысленного. Таким образом, последняя цель, которую ставит себе искусство,—это освобождение от действительности»³⁰.

Венцом этих «концепций» является реакционный немецкий экспрессионизм, рассматривающий мир как иррациональный хаос, отбрасывающий принцип причинности и устраняющий всякие объективные связи между действительностью и литературой. Фашистскому «идеологу» Розенбергу оставалось только умело «освоить» наследие экспрессионизма, чтобы отбросить науку и заменить ее «мифом».

Напомним, что Зюс писал свою книгу об Аристофане накануне первой мировой войны—в те же годы, когда в Германии расцветали «теории» Воррингера, Гундольфа, Эрнста. Их идейное родство с Зюсом несомненно. Оторвав форму от содержания, обеднив и замазав социальное звучание комедии, лишив искусство его общественно-исторических и классовых корней, Зюс пришел прямой дорогой к проповеди неизменности существующего, к апологии политической пассивности, к мистике и иррационализму.

«Достижениями» Зюса и Эрнста не преминула воспользоваться немецкая классическая филология в годы, предшествовавшие фашистскому перевороту в Германии. Наиболее показательна в этом отношении статья некоего Макса Вольфа «Aristophanes im Urteil von heute»³¹. Высшим назначением искусства Вольф провозглашает

освобождение людей от сознания целей, которые ставит перед ними реальная жизнь, обращение человечества к «животному жизнеощущению» (стр. 273—274). Чудовищно преувеличивая значение фаллического элемента в комедиях Аристофана, Вольф утверждает, что его творчество «в значительной степени основывается на сексуальности, и притом на грубой, жестокой сексуальности, не знающей утонченной формы» (там же, стр. 261). Извращение творчества великого комедиографа объективно служит у Вольфа средством для отрицания передовой роли сознания в жизни общества, для оправдания существования разлагающегося капитализма, для лишения масс революционной энергии и активности. Так вопросы литературного анализа вырастают до сознательного проведения политических требований немецкой буржуазии, до выполнения ее классового заказа.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Францев Ю. Буржуазная социология на службе реакции «Большевик», № 23—24, стр. 58—62, 1946.

² Ученые записки Моск. Гор. Пед. Ин-та, т. VI, вып. I, 1947.

³ Чагин Б. А. «Немецкая буржуазно-юнкерская философия второй половины XIX и начала XX вв.» («Вестник ЛГУ», № 3, стр. 85 сл. 1946). Баскин М. П. «Реакционная немецкая историография—один из источников фашисткой идеологии» (Философские записки, т. I, стр. 43 сл. 1946).

⁴ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма, стр. 497. Разрядка моя.—В. Я. 1910.

⁵ Rheinisches Museum, В. XXXIX, 1884. В тексте указаны только страницы этого тома.

⁶ Th. Bergk.-Griechische Literaturgeschichte. В. IV, стр. 107, 1887.

⁷ W. Christ.-Geschichte der griechischen Literatur, 6 Aufl, 1912 стр. 417.

⁸ J. Geffcken.-Griechische Literaturgeschichte, 1926.

⁹ Там же, Sonderband, стр. 206, прим. 105.

¹⁰ W. Schmid und O. Stählin.-Geschichte der griechischen Literatur, т. I стр. 17, 1929. В дальнейшем тексте указываются только страницы.

¹¹ Ср. оценку аттической комедии, данную Р. Вагнером, в кн. «Эллинская культура» ст. 503—504, 1906. С сожалением приходится отметить, что подобный взгляд на Аристофана проник и в книгу «История античного театра», стр. 74, 1946.

¹² Не имея возможности давать здесь развернутую оценку исторического метода Мейера, мы отсылаем читателей к статьям С. И. Протасовой «История древнего мира в построении Эд. Мейера» («Вестник Древней Истории» № 3 стр. 298 сл. 1938) и акад. В. В. Струве «Проблема истории Древнего Востока в советской историографии», («Вестник Древней Истории» № 3, стр. 17—30 1947) и «Советское востоковедение и проблема общественного строя Древнего Востока» («Вестник ЛГУ», № 11, стр. 233—297 1947), а также к цит. выше статьям Ю. Францева и М. Баскина.

¹³ Ed. Meyer. — Geschichte des Altertums, B. IV, 2. Aufl., стр. 420, 1912. В дальнейшем тексте главы указаны только страницы этого тома.

¹⁴ Wilamowitz-Möllendorf. — Die griechische Literatur des Altertums (серия „Kultur der Gegenwart“, 3. Aufl., стр. 4, 1912).

¹⁵ Aristophanes „Lysistrate“, erklärt von Wilamowitz-Möllendorf, стр. 5, 1927.

¹⁶ „Die griechische Literatur“, стр. 5.

¹⁷ „Lysistrate“, стр. 4.

¹⁸ „Die griechische Literatur“, стр. 92.

¹⁹ „Lysistrate“, стр. 51 и 54.

²⁰ Там же, стр. 41—42, 47—48.

²¹ Следует отметить в высшей степени „субъективный“ характер изложения Виламовица. Например, в главе о комедии в очерке „Die griechische Literatur“ из 6 страниц одна целиком посвящена весьма патетической критике последней постановки «Лисистраты» в каком-то из немецких театров, хотя этот вопрос едва ли принадлежит к числу первостепенных для понимания творчества Аристофана.

²² Ленин В. И. Соч. т. XXI, стр. 383.

²³ Wilamowitz-Möllendorf—Reden aus der Kriegszeit, стр. 70, 1915. В дальнейшем тексте главы указаны только страницы этой книги.

²⁴ Ленин В. И. Тетради по империализму, стр. 392, 1939.

²⁵ Wilamowitz-Möllendorf.—Platon, B. I, 2. Aufl., Nachwort zu Band II, 1920.

²⁶ Зюс, конечно, не одинок в своем формализме, только у него он носит ярко выраженный, последовательно реакционный характер. Более осторожно подходит к делу Кёрте в своей книге „Die griechische Komödie“, 1914. В отношении идеологических вопросов через 40 лет после выступления Мюллера-Штрюбинга, усвоив «достижения» Мейера и Виламовица, Кёрте снова проповедует идею социальной беспринципности комического поэта. «Совершенно неправильно,—пишет Кёрте,—приписывать древней комедии твердую политическую тенденцию или даже возвышающуюся над партиями политическую мудрость» (стр. 25). Почему же? Потому что «она всегда является органом оппозиции». Старая песня! Никогда еще в истории не было, чтобы какая-либо партия становилась в оппозицию к существующему строю из стремления к сильным ощущениям. Всякая политическая партия имеет свою программу, может быть, неосуществимую, утопическую, или реакционную, может быть, недостаточно четко сформулированную, но так или иначе отражающую интересы определенного класса. Сказать, что древнеаттическая комедия потому не имеет политических убеждений, что она стоит в оппозиции, значит только в другой форме признать, что искусство не имеет классовых корней, что оно внепартийно и изолировано в области чистой идеи.

Нельзя же принимать всерьез следующий довод Кёрте: «Только превратное толкование комедии ищет в ней политические убеждения, потому что она дает живейшее выражение политическим настроениям, а не политическим принципам» (стр. 26). Художественное произведение—и притом комедия Аристофана, столь своеобразная по содержанию и по форме, и не должна выводить на сцену политические принципы—и Кёрте, конечно, прекрасно это понимает. «Художник выражает свою идею образами, между тем как публицист доказывает свою мысль с помощью логических выводов»,—указывал еще Плеханов (Соч., т. XIV, стр. 137). Не устраняя специфики художественной литературы, исследователь обязан вскрыть, какова ее классовая направленность, в чьих интересах выступает автор. Именно этого и нет у Кёрте. Отмахнувшись несколькими фразами от социальных и идеологических источников аттической комедии, он весь анализ этого жанра проводит по формальному принципу и сам признает, что творчество поэта интересует его только со стороны «особенностей аристофановского искусства в композиции и сценической аранжировке» (стр. 30).

²⁷ W. Jüss.—Aristophanes und die Nachwelt, Leipzig, стр. 2, 1911. В дальнейшем тексте главы приводятся страницы этой книги.

²⁸ Горький А. М.—„О литературе“, стр. 434, 1937. Подчеркнуто нами.—В Я.

²⁹ W. Worringer.—Abstraktion und Einfühlung, стр. 23—24, 1921.

³⁰ P. Ernst.—Ein Credo, В. I, Berlin, стр. 183—187, 1912.

³¹ „Germanisch—Romanische Monatsschrift“, № 7/8, стр. 257—273, 1928.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Глава I. Об идеалистическом объективизме и реакцион- ном замазывании классовой борьбы	8
О том, как Кок и Кайбель заставили Аристофана вещать во имя бога и истины	11
Куда ведет буржуазный объективизм?	14
Глава II. О субъективизме в оценке комического и реак- ционном формализме	21
Аристофан перед судом „исторической критики“	21
Прусский юнкер под знаменем Платона	26
Как формализм открывает дорогу к мистике	34
Примечания	44

Ответственный редактор
проф. А. В. ФРОСТ

Подписано к печати 5/X 1948 г.
А 08852. Объем 1,5 п. л.
Тираж 1000 экз. Формат бум.
70 × 108¹/₂₂. Заказ 601.

Тип. Министерства тяж. маш.
Садово-Кудринская, д. 11.

191-14

9-76

~~Цена 3 р.~~

